

Живет в Харькове (Украина).

Смычок

Счастье мое, - сказал однажды смычок своему скрипачу, -
все мое горе в том, что я постоянно молчу.
Если тебя терзает какая-то мука и чувство вины, -
ты извлекаешь печальные звуки из каждой струны.
Что до меня – я всего лишь палец в твоей кисти,
будь твоя воля – ты лучше бы просто его отрастил.

Скрипку тогда вжимая с силой в свое плечо,
не обращал бы внимания – лишнего – на смычок.
И потекли бы ноты между талантливых рук!
Кроме тебя и скрипки – только кристальный звук!
Кроме тебя и скрипки – только живая вода!
Ради твоей улыбки я был готов отдать
жизнь. Только вся твоя ласка,
радость, любовь и дрожь –
ей. А меня ты властно
в руки свои берешь
и, ударяя по струнам,
рвешь меня на куски.
Радуют сердце юных
скрипки, а не смычки.

Л.

«ну, давай, — говорит Он мне, — ну, вставай же, ещё один круг,
ещё разик, ещё одна партия. скоро войдёшь во вкус!»
я беру себя в руки, а рёбра сквозь пальцы торчат из рук.
поднимаюсь. беззвучно рыдаю. и громко смеюсь.

а потом спотыкаюсь, иду — изо всех своих мизерных сил.
мой когда-то железный стержень не сломлен, но измождён...
ну, в конце концов, ведь если ещё до сих пор не убил,
значит, может, чего-то ждёт?..

я же вижу и слышу и даже пока могу устоять на ногах.
Он когда-то давно сказал мне: «готовь свое сердце к труду,
потому что ты будешь губить и спасать всех тех, кому дорога».
и теперь мне понятно, что он имел ввиду.

закрываю глаза и губами упираюсь в любимый висок.
этот раунд за мной, и теперь я смогу отдохнуть до весны.
еле слышно и чуть иронично говорю Ему: «ладно, Бог,
я играю. Ты только правила объясни».

Привычка

Человек просыпается рано, сминает грёзы, встаёт с постели,
Надевает холодные тапки, затем – халат – и бредёт сквозь темень.
Он включает на ощупь свет, отмечает случайно
Ощутимые перемены в своем едва проснувшемся теле.
Пожимает плечами и ставит чайник.

Человек заплывает в метро, он как рыба хватает воздух губами,
Пробирается вглубь; и обложка у книжки его голубая.
Люди спят, наступают друг другу на ноги, упираются лбами,
Громко думают что-то и громко кого-то бранят.
Человека всё это нисколько не задевает, слегка занимает,
Ведь на нём как будто броня.

Человек устаёт на работе, он ёрзает в кресле, массирует шею.
День тонул в суете, расставлял капканы и ждал решений.
Но внутри человек будто сделался вдруг совершенным.
Ему хочется петь и ладони его горячи,
Словно ангелы в синеве сосудов его раскопали траншеи,
И оттуда сияют лучи.

Человек возвращается в полночь; он как титаниковы отсеки
Переполнен каким-то чувством. Ложится, смыкает веки.
И прозрение падает тут же к нему в кровать:
Счастье – это привычка почти не свойственная человеку.
И теперь пора привыкать.

[Страница автора в Сети](#)